

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия «МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»

«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Диалогия «МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»

«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»

«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»

«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»

«ВКУС ВАМПИРА»

«ОХОТА НА ГУСАРА»

«МОЦАРТ»

«СОТНИК И БАСУРМАНСКИЙ ЦАРЬ»

«НОЧЬ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

«ИЗГОНЯЮЩИЙ БЕСОВ»

«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»

«ДЕМОН С СОСЕДНЕЙ УЛИЦЫ»

Диалогия «КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ»

«КАЗАК В РАЮ»

«КАЗАК В АДУ»

Трилогия «ААРГХ»

«ААРГХ»

«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»

«ААРГХ НА ТРОНЕ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)

«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»

«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)

«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)

«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

В соавторстве с Игорем Касиловым

«ГАВРЮША И КРАСИВЫЕ»

Андрей Белянин и его друзья

«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»

«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»

«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»

«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»

«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

Сериал

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»

«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»

«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»

«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»

«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»

«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»

«РЖАВЫЙ МЕЧ ЦАРЯ ГОРОХА»

«ЧЁРНЫЙ МЕЧ ЦАРЯ КОЩЕЯ»

«ВЗЯТЬ ЖИВЫХ МЁРТВОГО»

Трилогия «БАГДАДСКИЙ ВОР»

«БАГДАДСКИЙ ВОР»

«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»

«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

Цикл «ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»

«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»

«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»

«ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКОГО!»

Цикл «ГРАНИЧАРЫ»

«ЗАМОК БЕЛОГО ВОЛКА»

«ДОЧЬ БЕЛОГО ВОЛКА»

«КЛАН БЕЛОГО ВОЛКА»

«ЧЕСТЬ БЕЛОГО ВОЛКА»

Цикл «МОЙ УЧИТЕЛЬ ЛИС»

«МОЙ УЧИТЕЛЬ ЛИС»

«ЕГИПЕТСКАЯ СИЛА»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

«ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ АПОСТОЛ»

Стихи

«ЛАНА»

«ШАШКА»

«КИНЖАЛ»

«ГРУЗИНСКОЕ ОРУЖИЕ»

В соавторстве с Галиной Черной

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»

«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»

«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»

«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»

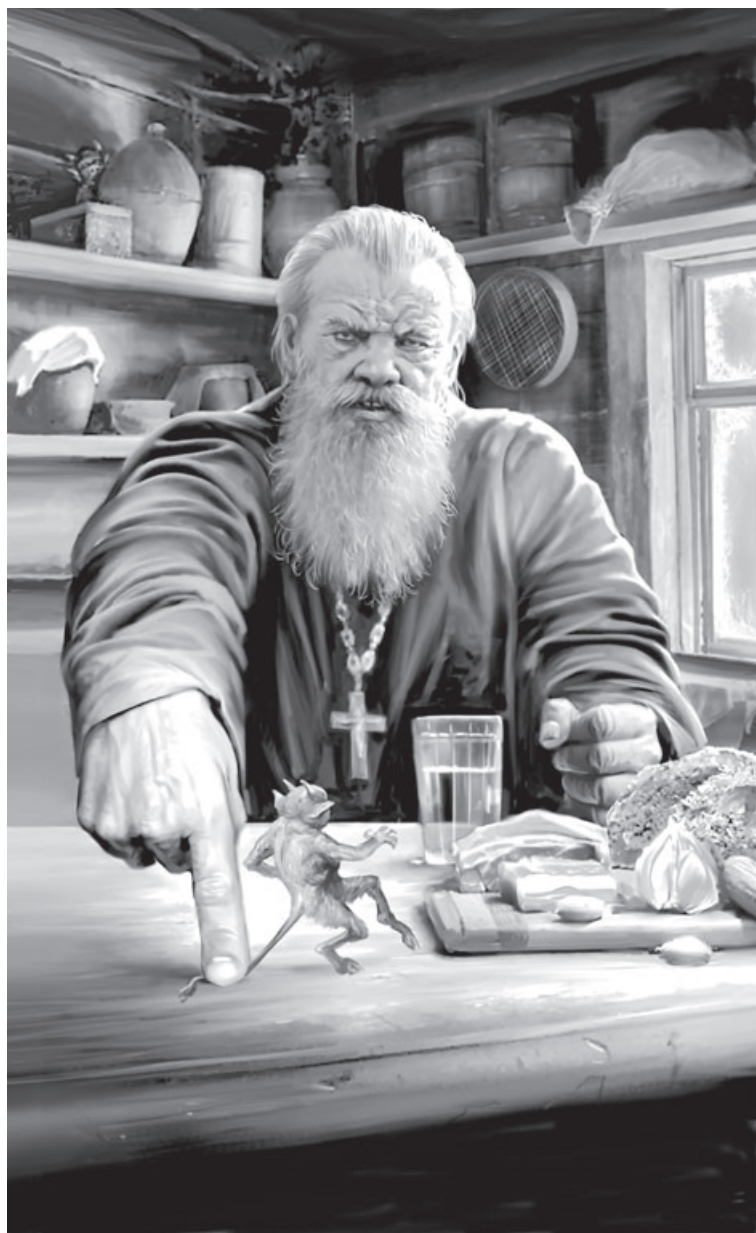
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»

«АРХИВЫ ОБОРОТНЕЙ»

«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»

«ВСЕ АРЕСТОВАНЫ!»

«ОТЕЛЬ «У ПРИЗРАКА»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
ИЗГОНЯЮЩИЙ
БЕСОВ

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1150

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.

Б43 Изгоняющий бесов: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2839-7

Если в душе ты — гот, по образованию — философ, по воинской специальности — снайпер и до сих пор ищешь себя, бросай всё, езжай на русский Север! В заснеженном селе под Архангельском найди могучего отца Пафнутия, и если сумеешь устоять на ногах, так быть тебе в тайном Ордене бесогонов...

Это значит: крест на шею, молитвенник в руки, фляжку святой воды за пазуху, револьвер с серебряными пулями в карман — и вперед, за странным доберманом по кличке Гесс! Честный, верный, болтливый! Система таких любит.

P.S. Раньше я тоже не верил, что бесы существуют...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2839-7

— Видишь от... беса-то?

— Нет.

— Наливай давай от, пей, ещё раз смотрим. Теперь видишь?

— Нет, — честно икнул я. Всё бесполезно, потому что и пить больше не мог, не приучен, и бесы категорически отказывались появляться.

Но отец Пафнутий был неумолим. Он, вообще, настырный дядька, седой, бородатый и могучий, как первосвященники.

— Пей от, Федька!

— Не по-божески как-то получается...

— Так ты-то, поди, и не Господа увидеть должен. Пей-ка, кому говорят!

Я из последних сил опрокинул уже шестой гранёный стакан самогона.

Без закуски, если что! Сейчас сдохну-у...

Прежде чем мне предстоит сегодня в очередной раз рухнуть всем телом под стол в абсолютно невменяемом состоянии, наверное, стоило бы на минуточку заглянуть в прошлое.

То есть, так сказать, пролистать предысторию. Начнём с главного и основополагающего: зовут меня Фёдор Фролов, для друзей Теодоро или Тео, я философ и гот. Понимаю, что нет такой профессии, такой записи в дипломе и такой национальности, но тем не менее.

В своё время, благодаря первой пылкой влюблённости, я увлёкся неформальной культурой готов, отпустил волосы,

ходил в чёрном и слушал «Эванесценс»¹. Также не меняя готических пристрастий, окончил университет по специальности история философии. Видимо, напрасно.

Поскольку данный предмет в наших реалиях абсолютно бесполезен и более того — вреден порой, образование ни на йоту не помогло мне, когда моя девушка-готесса в конце концов предложила взять паузу в отношениях из-за моей «недостаточной мужественности». Не знаю, что женщины вкладывают в это понятие, но, наверное, месяц или два (три, четыре) я пребывал в тоскливой прострации, нудно призывая смерть. Смерть не спешила...

Ну а потом по прихоти горячего нрава и после серьёзного философского спора с друзьями я послал всех, демонстративно уйдя в армию. Жёстко, уверенно, целенаправленно, по собственному желанию, просто потому что так оно мне на хрен было зачем-то надо, хвала сократовской лысине!

А когда моя девушка, сменив стиль готов на традиции родноверов, не дождалась меня (но вы и так поняли, что она не особенно старалась), мою бедную голову ещё круче качнуло в нелогичную сторону, и я остался на сверхсрочную (чтоб ей стыдно стало?!), после чего вообще подал официальное прошение о переводе в горячую точку.

Позывной «Гот», грязь и кровь, полтора месяца ада...

Отрезвление, как и понимание, что это вообще не моё, пришло именно там. Постепенно, не сразу, понукаемое смертью сослуживцев и хоть каким-то включением мозгов. Вся философия мира была против, но реальная боль всегда помогает осознать собственные проблемы во всей их красе. А осознав, можно уже принимать выстраданное решение.

После госпиталя меня, незадачливого снайпера-философа-гота с почётом комиссовали, повесив две новенькие медали на грудь. Домой я вернулся не сразу, хотя армейской романтики мне хватило по маковку, но и к гражданке ещё предстояло привыкнуть.

---

¹ От *англ.* *Evanescence* («Эфемерность»). Американская рок-группа. — *Здесь и далее примеч. авт.*

А когда приехал в свой город и осмотрелся, то вдруг понял: мои родители практически не знают меня сегодняшнего, бывшим сокурсникам я неинтересен, повзрослевшим друзьям-готам тем более, моя девушка уже в преддверии второго ребёнка, и оба от разных мужчин... В общем, все так или иначе живут своей жизнью, как могут. Кроме меня.

Я же, так и не найдя себя в новом мире, вновь отпустил волосы, затягивая их в хвост, надел чёрный плащ, чёрный свитер под горло, чёрные узкие джинсы, чёрные сапоги на шнуровке и в таком виде направил стопы свои к вере. Рискованное решение...

Строгий поп из ближайшей церкви умудрился отбить меня от толпы агрессивных старушек и, благословив по-быстрому, отправил куда подальше в соседний храм.

В результате я обошёл, наверное, пять или шесть разных культовых сооружений, доставая служителей своим внешним видом и душевными проблемами, при этом ещё и яростно споря с ними. Мне нужно было заново обрести себя или хотя бы вернуть того, кем я был раньше, это казалось очень сложным, я искал помощи и не находил...

Пока эстетствующий отец настоятель кафедрального Владимирского собора, с которым мы пару раз цапнулись по поводу заповеди «не убий», не особо задумываясь, не «послал» меня фигурально прямой наводкой куда подальше, к чёрту на рога, да хоть под Архангельск.

Из чисто ослиного, готского, упрямства я потребовал адрес!

Не менее упёртый батюшка продиктовал с листа. Всё.

Дурацкая привычка исполнять приказы сработала на автомате, денег на билет хватило, и в конце концов меня приняли на испытательный срок послушником в маленький мужской монастырь. Где, к стыду моему, мне удалось продержаться меньше месяца (недели две, если честно), после чего за «бесовский внешний вид», излишнюю горячность и неподобающую чину дерзость меня перекидывали по соседям раза три, пока...

Пока не загнали совсем уж в северную глушь, в заброшенное село Пияла, где при Воскресенском храме служил отец Пафнутий, известный пьяница, скандалист и бесогон.

По крайней мере, именно так он сам мне отрекомендовался. А поскольку из этого чудесного северного сельца можно было выбраться в район лишь по весне, когда с реки сходил лёд и снег открывал дороги, то как минимум ещё два-три месяца мне предстояло получать уроки трудотерапии, смирения, добродетельности, чистоты, медитации... и махрового алкоголизма.

Первое время я именно так и думал. На деле же...

— Вижу.

— Чегось сказал-то?

— Беса вижу. — Сначала я не поверил собственному голосу, а уже потом глазам.

Вокруг стопки отца Пафнутия вдруг материализовались два маленьких беса, не более пяти сантиметров росту. Бесстыже голые, с блестящими сияющими задницами, маленькими рожками, козлиными копытцами, на кривых волосатых ногах, с задорно приподнятыми ослиными хвостиками.

— Хорошее дело, паря. От, стало быть, глазастый ты, — одобрительно прищёлкнул языком седой старец, пригладил длинную белую бороду и уточнил: — А цвета-то они какого?

— Зелё-о-о... ные. Ик!

— Опять не соврал. Зелёного-то беса ты от смело хватай. — Отец Пафнутий мгновенно взмахнул левой рукой, словно ловил муху, и несчастный бесёнок завизжал в его кулаке так тонко и противно, что аж уши резануло.

— А как зелёного-то беса поймаешь, перекрести от его и отпусти. Нехай ужо!

От крестного знамения бесёнок пошёл мелкими красными пятнами, его явно замутило, а потом, спрыгнув с раскрытой ладони на стол, он вдруг кинулся охаживать своего же товарища маленькими кулачонками, вольно и творчески ругаясь грязным русским матом.

— Ты-то слушай, слушай от, паря, да на ус мотай, — наставительно поднял палец мой духовный наставник, — обра-

зованию ради. Порой нечисть таковые-то конструкции матерные строить, что ажно зависть берёт. Я-то, было дело, да же в книжечку кой-чѣ записывал, чтоб не подзабыть. От!

Меж тем зелёно-красный бес изрядно отлупил чисто зелёного, обратив его в позорное бегство под лавку, и с умильной рожицей полез целовать бутылку с самогоном.

— Вот этого не позволяй. — Старец Пафнутий ловко отвесил бесѣнку звонкого щелбана, отправив его по параболе туда же под лавку. — Бесам от пить нельзя, они с того совсем башку-то теряют.

— Понял, — хотел сказать я (или сказал, или подумал, не уверен), протягивая руку к стакану, но он (стакан) почему-то ловко увернулся.

Я попробовал ещё раз его поймать, но сказка про Федорино горе повторилась снова. Обидно, досадно, но ладно. Через полчаса ещё попробую.

— Довольно от с тебя, сын божий, — мягко прогудел мой наставник. — Ложись-ка ужо. Завтра с утречка помолимся, да и продолжим твоѣ ученичество. Глядишь, и сумею из тебя, неформала непутѣвого, доброго от бесогона сделать.

Я поднялся, потряс головой, отвесил низкий поклон, едва не ткнувшись лбом в пол, и молча отправился на лавку. «Худшее» проследило за мной нахмуренным взором, не поднимая морду с лап, рыкнуло для порядку, и всё. В смысле на сегодня обошлись без воспитательных «кусь-кусь» или «лизь-лизь».

Речь о собаке, разумеется. У старца Пафнутия в избе жил двухгодовалый пѣс, но о нём позже... сплю... простите. Главное было, падая плашмя, не промахнуться мимо своей кровати в дальнем углу у окна. Я промахнулся, упс... или бумс?! Спать, короче...

Сновидений не было, после пафнутьевского самогона обычно просто проваливаешься сквозь матрас, лавку, пол, фундамент и засыпаешь в тепле где-то на уровне ядра Земли. Тихо, мирно, ни о чём на свете не беспокоясь. Сны в данном контексте лишние, право слово.

Рано утром, часов в пять-шесть, меня разбудил холодный кожаный нос, тыкающий в шею. Это опять Гесс, выгуливать его — одна из моих прямых обязанностей по дому. Старец рассказывал, что пару лет назад в район зачем-то приезжало высокое начальство из Москвы и привезло с собой беременную суку-добермана.

Видимо, кому-то очень надо было избавиться от породистой собаки, поскольку её «случайно» забыли на показательной частной ферме. Брошенная псина родила четверых щенков.

Не знаю её судьбу и как выжили в наших северных широтах остальные, но вот один малыш, Гесик, достался старцу Пафнутию. Который, кстати, не хуже любого опытного ветеринара купировал ему хвост, правильно подрезал и поставил уши, так что к моему переезду двухлетний жеребёнок уже был страхом и гордостью всей деревни.

— Я встал. — Мне пришлось быстро подняться, не дожидаясь, пока Гесс, уязвлённый моим равнодушием и нежеланием поиграть, пустит в ход зубы.

Нет, он ни капли не злой, даже наоборот, жутко дружелюбный пёс в шикарном ошейнике ручной работы с серебряными крестами и тиснёной молитвой «Спаси и сохрани». Ошейник заказал сам старец и велел не снимать, поскольку именно слова «спаси и сохрани» первыми приходили на ум при виде клыков этого зверя. Кто видел, тот поймёт.

Но Гесс очень добрый пёсик, именно поэтому искренне не понимает и огорчается, почему кто-то отказывается погладить его мосластый зад или отдать «голодной собачке» всю свою еду за столом. А обиженный доберман — это, знаете ли, всегда чревато...

— Глажу, глажу, — поспешил я заняться своим первоочередным делом наутро. — А теперь идём гулять!

Пёс в восторге облизал мне лицо и рысью упрыгал в сени, вернувшись со своей гулятельной фуфайкой и зимней солдатской шапкой в зубах. Мою обычную одежду составляли те же чёрные джинсы, чёрный армейский свитер и вполне себе готическая чёрная ряса. Полчаса беготни по двору, счастли-

вого лая, кубометров взрытого снега, сбивания меня в сугроб, пометки всех важных столбиков, утверждения, что жизнь прекрасна, — и бегом домой греться.

Молитва, умывание, завтрак всегда шли следом в произвольном порядке.

Отец Пафнутий, надо признать, был довольно прогрессивный дед, так сказать совершенно не страдающий агрессивным «православием головного мозга». Вот уж для кого слова «Бог един, Бог во всём, Бог есть всё сущее на земле» были непререкаемой аксиомой!

Он находил общий язык с любым нетрезвым атеистом, заигравшимся неформалом или религиозным фанатиком, меж тем оставаясь абсолютно целостной и самодостаточной личностью. Старик словно бы видел саму душу человека изнутри, всех понимая и никого не осуждая, и, быть может, именно поэтому ему безоговорочно верили.

Как поверил и я, когда он хлопнул меня тяжёлой ладонью по плечу и сказал: быть тебе от, Федька, бесогоном!

— Гесс, отстань уже, совесть есть?

Доберман поднял на меня изумлённый взгляд, буквально вопиющий: как, человек, неужели тебе не нравится гладить мой зад? А хочешь нос? А хочешь, лапку дам? И вторую дам, только ты гладь, да?! А не то кусь тебя, кусь!

— Геська, знай своё место! — прикрикнул отец Пафнутий, и пёс, покаянно опустив жёлтые брови, вернулся на свою лежанку поближе к печке.

— А ты, паря, от бы построже с животинкою-то. Он от слабину чует и туды носом, как к мамкиной сиське. Ему, вишь ли, волю-то дай, дак он у тебя на ручках спать будет и шагу ступить не даст, не бросай, дескать, от его, любимого, одного дома. Собачке ж оно скучно да страшно. Сиди от рядом всю жизнь, корми да гладь! Зверьё-то, оно хитрое...

Доберман так округлил глаза, словно был сражён в самое сердце столь несправедливыми словами. Он же умереть готов ради хозяина! Вот прямо сейчас ляжет и умрёт! И пусть вам всем потом будет стыдно! Вы там, кстати, не за стол садитесь ли, бесчувственные люди?!

— А ты ешь от, да на ус мотай, — продолжал старец Пафнутий примерно через полчаса, когда я умылся, причесался, помолился, возблагодарив Господа за хлеб наш насущный, и получил свою миску пшённой каши с маслом и мёдом. Наш обычный завтрак.

На обед — густые щи без мяса или суп гороховый с грибами и луком, так чтоб ложка стояла, на ужин — отварной картофель с рыбою, самой простой местной сельдью, треской, щукой. Но бывает порой и просто жареная картошка без всего.

Те, кто думает, что церковь гребёт деньги лопатой, вряд ли заглядывают в маленькие приходы на сорок — пятьдесят дворов с общим населением меньше пятисот душ, где батюшка трудится наравне со всеми, а всех прихожан — три десятка бабулек да на них же три-четыре пьющих старика. Молодёжь в массе в райцентре, а те, кто поумнее, давно в городе. Но иногда именно в такой вот забытой властями глубинке и происходят настоящие чудеса.

И ведь не то чтобы именно здесь я вот так сразу взял да и обрёл себя, но иначе, чем чудом, всё то, что со мной здесь происходило, назвать трудно. Ну, быть может, если только следствием кратковременного оголтелого алкоголизма? Не знаю...

— Записывай али запоминай, Федька, мне от оно без разницы. Зелёного беса хватай смело, он не укусит, а ежели от и обгадится со страху, так ты тут же водицею горячею руки обмой, да и всех делов.

— С мылом или без?

— С мылом завсегда лучше, а коли спиртом протереть, так от вообще красава, — мечтательно покачал бородой отец Пафнутий. — От красные бесы, они-то куда опасней будут. В ладони сожмёшь его — он жжётся, проклятый, а перекрестишь — дык воняет, хоть всех святых выноси! Красных-то сразу святой водой обливать надо, они от с того худеют на глазах и ползут на четвереньках откуда вылезли.

— Записал.

— Окромья того, ещё есть бесы голубые, жёлтые, чёрные, рыжие, лысые, пятнистые да от и полосатые, как тигры амурские, — удовлетворённо поглаживая себя по животу, вспомнил батюшка. — Но то ж всё бесы малые, таковых от либо матюками жестокими либо молитвою Божьей изгнать можно. А коли бесы большие, те, что и в рост человека от выходят-то бровь в бровь, те несравненно опаснее, и биться с оными ох как непросто.

— У меня два месяца в горячей точке за плечами, — на всякий случай напомнил я.

— Да ты от что ж, бахвалиться передо мною решил, что ли? — от души удивился святой отец.

Впервые на моей памяти он, встав из-за стола, полез куда-то в сундук, долго рылся там, а потом выложил передо мной орден Красной Звезды, две медали «За отвагу» и яркую маленькую Звёздочку Героя Советского Союза.

— Откуда, отче?!

— Да от на базаре-то в Архангельске прикупил по случаю, — язвительно отозвался Пафнутий. — Может, не ты один про военную-то жизнь знаешь. От тока что я тебе про ту войну скажу: медальку получить большого ума не надо. На одного-то полевого генерала шестерых штабных дают. И тут от как ни верти, а тока без бесовского участия такие дела не делаются.

— Декарт мне в печень.

— Ты рожу-то не криви, не ровён час, от с такой и похоронят. А я даже отпевать не стану, уж дюже она у тебя противная выкроилась, хоть на пугало лепи ворон по весне распугивать. Говорю те, бесы энто! Они-то слабого человека под себя подминают, советы богомерзкие ему на ухо шепчут, карьеру обещают, благодати всякие, а он и рад за то гадости ближним строить.

Я бы, наверное, мог и поспорить, конечно. В разных странах и разных религиях мира бесы выполняют далеко не одинаковые функции. Но, с другой стороны, кто же из нас не знает людей, получающих чины и награды в обход всего на

свете, без логики, совести, за красивые глаза и по просьбе сверху.

— Ты тока не путай «сверху» и «свыше», слова похожие, а вещи-то от разные, — подмигнул мне седой наставник. — Ну, чё ли сыт уже поучениями-то? «Суха материя, друг мой, а древо жизни буйно зеленеет!» Давай-кась от по маленькой, да и за практику. С богом!

Обнаруживать бесов без алкоголя я пока всё ещё не мог, для этого требовались святость и практика не моего уровня. Поэтому дни, недели, месяцы моего учения проходили в стиле китайских фильмов о «пьяном мастере». Вы видели, уверен.

Вот только наш боевой старец в самогоне уже не нуждался и пил исключительно для того, чтобы показать мне всю суть правильного обучения бесогона, помочь раскрыть свои возможности, выявить потенциал, разобраться в себе. Тем более что периодически довольно сложные мистические задания чередовались у него с вполне себе даже весёлыми.

— Гаси от его, гаси! Бей от ремнём по волосатой заднице, без жалости и сострадания, — счастливо орал отец Пафнутий, стоя на табурете, пока я, как взмыленный индеец, гонялся по всей избе за коричневым в проплешинах бесом, охаживая его солдатским ремнём с пряжкой. — Не жалей от паскудника-то, паря! Всеки ему с плеча промежду ног козлиных сапогом! За меня, от души, по-православному... Ай же молодца-а!

Коричневый с проплешинами бес, визжащий словно бор-машина, как помнится, отвечал за рукоблудство. Не самый редкий грех, а по мнению большинства врачей-сексологов, и вовсе прямо-таки естественная потребность любого культурного человека.

Простой народ Архангельской области, видимо, не был в курсе данных достижений и не считал рукоблудство национальным достоянием. Поэтому беса, пойманного за склонением человека на это дело, следовало не крестить щепотью, не обливать святой водой, не отчитывать молитвами и не изгонять матом, его надо было тупо бить!

Драться меня в армии научили, не так эффектно, как в кино, но тем не менее эффективно. Коричневого беса следовало лупить чем попало до тех пор, пока не исчезнет. Он же в свою очередь (сволочь эдакая, кафкианец!) рожи корчит, плюётся, ругается, язык показывает.

Погоня затягивалась, но, когда в игру включился дружелюбный доберман, горница заполнилась лаем, рыком и страстями. Вдвоём мы быстренько загнали рогатого в зюю!

— А это чего ж было-то? — несколько удивился старец. — Я и не думал от, что пёс его тоже видеть может. Дык, с другой стороны, оно ж с собакою-то, поди, и веселее?

Мы с Гессом отдышались и, не сговариваясь, хлопнулись лапой в ладонь.

Но были и иные дни, когда я пунктуально и молча вёл дословную запись под диктовку в толстую тетрадь, тщательно классифицируя все виды известных бесов по цвету, росту, мощи, вредоносности, противостоянию и прочим параметрам. Это надо было знать наизусть.

— Синий бес — пьянь непрсыхающая! Стыдить от его без толку, замаливать тоже, а материть от самое то! Он ить пьяненький ластиться любит, думает, что его жалеть станут да подливать, а ты ему матюками промеж ушей, ровно баба сковородой али скалкой по затылку!

— Сиреневого чёртика зря не бей, он с того только в ширину прёт да на тебя же пузом давит. Плюй ему в глаза! Хотя разок попадешь, всё, сдался, лапки опустил, да и потёк от, копытцами стуча, в ад опозоренным...

— Голубой бес — это штука тонкая, натура нервная, даже порой творческая. Бить от нельзя, ругать нельзя, молить тоже, а вот хватай его, да и целуй в засос! И не фу-у! Фукает он мне тут. Чмокнул разок голубого, тот затошнился, заплакал-то и бежать всему миру жаловаться. Бесогон от на всё пойдёт, чтоб беса изгнать...

Я тщательно фиксировал всё. Во-первых, это действительно было интересно, во-вторых, вся теория для меня практически сразу же подтверждалась полевыми испытаниями-

ми. Господи Боже, Пресвятая Матерь Твоя и все Святые Отцы скопом, каких только бесов и чертенят мы не гоняли-и...

Сразу уточню для малообразованных или слабоверующих: черти и бесы не одно и то же.

Многие серьёзные исследователи уверенно пояснят вам, что «чёрт» — это оттого что «чёрный», а «бес» — это видоизмененная приставка «без», то есть «отрицание», «против всех», «безумие, безальтернативность, бесконечность». И отчасти это соответствует истине.

По крайней мере, все встреченные мною бесы вечно были «против чего-то». Против человека, против его здоровья, против всего лучшего на свете, да и вообще против чего угодно, лишь бы против! Бесов, которые «за», попросту не бывает, по сути своей эти твари слишком примитивны для азартной игры более чем в два хода. Поэтому их бьют.

Вот черти — это очень серьёзные противники. Тут всё куда опаснее и по-взрослому. Отец Пафнутий тоже с этим не шутил и всегда заранее предупреждал:

— Запомни: ты, паря, бесогон! Твоя задача мелких бесов гонять, а вот коли вдруг, не приведи боже, тебе от с настоящим-то серьёзным чёртом схлестнуться достанется — беги, Федька! Беги не оборачиваясь до святой земли при храме али на кладбище. Но при храме-то оно спокойней, на погосте — они там же и закопать могут, не все от могилки освящены, а опытный нечистый и по святым крестам порой скакать может. Чертей от берегись. Но пуше того берегись демонов! С ними, поди, и пресвятые угодники-то не всегда справлялись, куда уж нам нам-то, грешным...

И он был прав. Даже в обучении этому редкому ремеслу изгнания бесов ученика не раз подстерегали жуткие опасности и весьма серьёзные проблемы. Как бы философски лично я ко всему этому ни относился, но оно тем не менее имело место быть...

— Терпи, казак, а то мамой будешь, — язвительно рассуждал старец Пафнутий, забинтовывая мне прокушенную полосатым бесом кисть руки. — Зубы-то у мерзавца длинные, дык

тебе его по ним в первую очередь и бить надобно. Не в лоб от, а по зубам!

Я кивал. Сам укус был не особо болезненным, но чесалось так, что хоть на стенку лезь.

— Вот раньше-то было, при Филарете, мы ж бесогонов молодых на практику в самую Киево-Печерскую лавру отправляли. От уж там-то была учёба так учёба! На одной Лысой горе парни за ночь стока ума набирались, что хоть сразу с порога в профессора богословия иди! Теперь от нельзя, всех наставников на Север перевели, а тут у нас разброс мелких бесов-то куда как меньше. С того и коленкор не тот.

— А сколько их вообще? — дерзнул поморщиться я.

— У сатаны спроси, уж он-то небось лучше знает.

— Что ж, спрошу при случае.

— Молчи, дубина. — Рука наставника, отвесившая мне мгновенный подзатыльник, была крепкой и тяжёлой. — Язык от без костей! Мелешь ересь всякую! Не приведи те господи с самым Князем тьмы один на один встретиться, то тока Иисусу Христу, Сыну Божию, под силу было. Ты от хоть бесов гонять научись, и то с того польза великая. Бахвал, свиристелка берёзовая, тьфу-у!

Мне оставалось только чесать в затылке. Кто я был тогда, чтоб с ним спорить?

Отец Пафнутий долгие годы ходил в авторитете, архангельская школа бесогонов была известна всем знающим людям не только в России, но и в большинстве православных стран. Те же сербы, болгары всегда у нас учились. И дешевле, и качественней.

Иногда к нам в Сибирь и на Север присылали даже молодых католиков из Польши и Чехии, тоже языки славянские и опыт борьбы с бесами похожий. В том смысле, что и у них с нечистью не церемонятся, к толерантности не призывают, а бьют чем попало промеж рогов не хуже, чем мы тут от души стараемся.

Известные экзорцисты (те же бесогоны по факту) есть в испанской школе, в португальской, в уэльской. Но там мето-

ды другие, там всё больше на заклЯтиях построено, чем на молитвах.

Впрочем, говорят, на цивилизованном Западе, в ряде стран, всё иначе, теперь там присутствие мелких бесов-советчиков даже на заседаниях парламента не считается чем-то вопиющим, но...

У них своя жизнь, у нас своя, а не лезть со своим уставом в чужой монастырь меня научили быстро. Причём без каких-нибудь там анафем, покаяний и прочего. Отец Пафнутий никогда не смешивал физическое с духовным, то есть с его точки зрения за любой ляп в религиозном смысле (торопливую молитву, недостаточное усердие при чтении святоотеческих книг, колбасу во время поста или ещё что подобное) не следовало наказывать духовно.

Духовного наказания вообще быть не может, это бред! Как можно наложить епитимью в виде стократного прочтения вслух «Отче наш»?! Молитва к Господу — это радостное обращение к Отцу, а никак не монотонный бубнёж в стиле американских мультиков «Барт Симпсон, напиши сто раз на доске: «Я плохой мальчик!».

Нет, старец честно разделял душу и тело, поэтому за мои всевозможные проступки в учёбе или в церкви наказание было одно: не умеешь работать головой, работай руками. В избе прибереи, обед свари, дров наруби, печь истопи, баньку приготовь, Гесика лишний раз выгуляй. Последнее, кстати, было одним из самых серьёзных испытаний.

Если кто хоть раз выгуливал добермана, то знает — эта собака (в хорошем смысле слова) ни минуты не сидит на месте. Бегаёт, носится кругами, прыгает выше головы, ловит палки, гоняет любую встречную живность (один раз на моих глазах Гесс даже медведя обратно в лес прогнал!). Ещё доберман требует, чтобы вы с ним играли, задирает всех прохожих, не пропустит ни одного автомобиля и вообще воспринимает весь окружающий мир исключительно собственной вотчиной, где он единственный, полноценный и во всём правый царь, король, монарх, владыка, бог!

Может, у кого-то из собаководов иначе, но наш Гесс был именно таким. То есть зимний выгул этой весёлой псины в армейской шапке и мини-телогрейке всегда был знаковым событием едва ли не районного масштаба.

— Ну что ж, паря, — где-то после середины января объявил мой седобородый наставник. — Учёбу твою на деле проверять надо, пора от тебе в свет выходить. Вона намедни-то в церкви старуха Тулупова жалилась: от будто бы внучка ейная Прасковья, тридцати семи годков, сама себя от под одеялом трогает, а опосля стонет на всю избу, хоть врачей вызывай. И что сие может быть?

— Бес рыжий, бесстыжий, — на зубок оттарабанил я. — Изгоняется матом, а ещё лучше церковным браком.

— Какой ей брак? Бедняжке от четвёртый десяток пошёл, холостых мужиков-то на деревне нет, по сей день в девках. Разумеешь ли?

— Жениться на ней, что ли?

— От ить дурья башка! — Отец Пафнутий в сердцах замахнулся на меня сковородкой, но я увернулся. — Нешто ты один на всех женишься? Иди вона от беса изгоняй!

— Э-э... а вы со мной?

— А то! Как же я тя одного-то, необстрелянного, под засидевшую девку брошу? Вместе пойдём. Да уж и ты от не оплошай, Федька!

В общем, как вы поняли, в тот день настал момент истины. Смогу ли я спокойно посмотреть в жёлтые глаза тигра, прежде чем спустить курок? Потому что одно дело — видеть собственных зелёных бесов после пьянки и совсем другое — суметь изгнать их на трезвую голову из ни в чём не повинного живого человека.

Тем более из женщины!

Ибо, по словам моего наставника, каждая женщина суть земной прообраз Богоматери и завладеть ею для любого беса мечта всей жизни. Тем паче что мужчина с иным влиянием в себе до последнего борется, а дуры-бабы (не мои слова, цитирую Писание!) постороннюю жизнь в себе воспринимают как Богом данную и потому люто противятся любому изгнанию

из них беса. Вот такой странный перекося в сознании, гендер, чтоб его...

Собирались мы недолго. Рыжие бесы в противостоянии не особенно опасны, а свою рабочую тетрадку я заранее заложил спичкой на странице с подходящими матерными выражениями. Тут кстати пришлось и моё гражданское (читай: философское) образование. Я легко мог послать в... или на... в лучших традициях Аристотеля, Канта или Розанова. И пусть это выглядело несколько заумно, но на бытовых бесов действовало безотказно. Мелкая нечисть падала, задрал кверху копытца, теряя сознание в стабильной прогрессии. Мой духовный наставник, усмехаясь в бороду, всегда говорил, что главное — результат! А уж метода может быть у каждого своя...

Поэтому, когда мы втроем (Гесса, естественно, не позволил оставить себя дома), пройдя по снегу полсела, добрались наконец до дома Тулуповых, я буквально чесался во всех местах в предвкушении грядущей схватки. Страх не было, но сегодня мне предстояло разбираться с бесом один на один, без чьей-либо помощи или совета. Я вновь почувствовал себя на войне...

Дом был старый, ещё сталинской постройки, и проживали в нём три женщины. Невероятно древняя, худющая, краснощёкая бабка из породы «не дождётесь», полная хозяйка за шестьдесят с хвостиком, под сто пятьдесят здорового веса, и, так сказать, сама девица.

Её мы пока не видели, но остальные с поклонами приняли визит отца Пафнутия, руку не целовали, но крестились истоково.

На меня поначалу никто внимания не обращал, кому я нужен. На Гесса обратили сразу.

— От же крокодил-то страшный! Ишь как глазищами зыркает, аж жуть...

— А вы проходите ужо, батюшка! Согреться ли с дороги не желаете, ить каков мороз трещи-ит, а?

— Здоровья ради не возбраняется. — Перекрестясь, отец Пафнутий ещё в сених принял рюмку водки для здоровья. Хряпнул от души, занюхав рукавом, и не поморщился.

Ну, если, по его же словам, весна наступит приблизительно только в конце мая, понятно, что мёрзнуть и простужаться тут категорически никому не улыбается.

— Хм, исключительно святого дела ради, но от не для ублажения грешной-то плоти.

— Закусить от огурчиком али салом бы? — подкатилась полная хозяйка с подносом.

— Довольно, не трапезничать от пришли, — важно ответил старец, огладив бороду, потом сбросил тулупчик мне на руки и, не разуваясь, попёрся прямо в дом. — Где ваша больная-то?

— В горнице девичьей, — быстренько перехватила инициативу старуха, подталкивая нас обоих в дом и кивая на левую половину. — Уважь от, батюшка Пафнутий, избави девчоночку-то невинную, убереги от нечистого...

— Нет, матушка, уже от за меня паря мой пойдёт, Федорушка, — категорически удержал обеих женщин мой наставник. — Бесов-то прогонять — дело для молодых да резвых.

— А чегой-то монашек твой в чёрном весь? Чернец, чё ли?

— Гот, — буркнул отец Пафнутий.

— Энто кто, прости господи?! — на всякий случай перекрестилась бабка.

— Это неформальная субкультура, — попытался объяснить я. — Готика с латыни — это тайна, мистика...

— Себе на уме, стало быть. Да уж как молодёхонек он, поди, и опыта нету!

— Опыт — дело наживное, — отмахнулся батюшка.

— Ой, рази ж можно монаху-то к скромной девице в комнату-то одному без присмотра заходить? Грех-то какой...

— Какой в том грех? Нет от никакого греха! Да и немолода девица уж, за третий десяток перешагнула.

— Тады, может, мы их с монашком твоим и того... — бодро воспрянула бабка, но отец Пафнутий был непреклонен:

— Федьку не дам, и не надейся! Не для того я ученику от знания тайные в башку-то вбиваю, чтоб он по сёлам ваших девок распечатывал. Тьфу на тебя, старая!

— А что ж я? Ить оно богоугодное ж дело...

— Даже помыслить не смей, прокляну!

— Ой, свят-свят...

— От то-то же. — Могучий старец мягко отклеил меня, от шока вжавшегося в стену, и подтолкнул к дверному проёму, занавешенному старенькой ситцевой тканью. — Иди ужо, паря, не робей. На помощь от не зови, сам управляйся.

— А если эта девушка... ну, сама на меня?..

— Тады зови, одному-то тебе нипочём не отбиться!

Ободрённый этим напутствием, я откинул занавеску и, образно выражаясь, шагнул в опасное царство Цирцеи, пахнущее женским теплом, малиной, хлебом и северными травами.

В маленькой комнатке с одним окном и полом, застелённым домоткаными дорожками, скромно потупив очи, сидела на кровати рослая девушка. Старше меня лет на десять или больше, с толстой косой, широким лицом и почему-то в одной ночной сорочке длиной почти до пят.

Последнее меня немножко смутило. Обета безбрачия я не давал, не монах же, а всего лишь послушник, но всё равно ради изгнания бесов раздеваться в принципе необязательно.

Я мягко выдохнул, всё равно начинать как-то надо, попробуем расположить пациентку.

Тьфу, идиотская во всех смыслах фраза!

Попробую ещё раз и покороче.

— Добрый вечер, э-э... Прасковья?

— Агась, — тихо ответила она.

— А я Фёдор, послушник, ученик отца Пафнутия. Он просил... ну, вы в курсе, да?

— Агась.

— Значит, сейчас мы... — Я сбился, совершенно не зная, как действовать дальше.

Врачам проще, их всё-таки учат разговаривать с пациентом, но меня-то учили совершенно другому. Однако приступать к изгнанию беса всё равно надо. Вот только эта тонкая женская рубаха с вышивкой на голое тело меня явно отвлекала...

— Вам не холодно?

— Агась?

— Ну в смысле, может, накинете чего? — беспомощно пролепетал я и сдался под её удивлённым взглядом. — Понимаете, мне нужно вас осмотреть, чтобы понять причину вашего, этого... Типа как доктору, не совсем, но...

— Агась! — радостно откликнулась немногословная девица, резво встала на пол и одним махом стянула сорочку через голову.

Мне в лицо ударило таким настоявшимся жаром, что я чуть не упал.

Кое-как сумев выровнять дыхание и волевым усилием приглушить грохот собственного сердца, я сунул руку в сумку, достал Псалтырь, полбутылки водки, церковную свечу и спички. Вроде бы ничего не забыл? Ну, нет так нет, справимся чем бог послал.

Сначала я молча перекрестился, потом храбро выпил из горла, зажёл свечу и, красноречивым жестом заткнув рвущееся из уст Прасковьи «агась?», быстро начал читать вслух:

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли... И ныне и присно и во веки веков...

«Аминь» сказать не успел, потому что буквально в то же мгновение откуда-то из-под колена девушки материализовался крохотный огненно-рыжий бесёнок, побежал по её бедру, уселся на плече и, свесив ножки, показал мне язык.

— Ах ты ж, сволочь мелкая...

Если вы помните, то рыжих бесов похоти отваживают малом, но этот был столь нагл и бесцеремонен, что я невольно замахнулся на него Священным Писанием. Невинная Прасковья сдуру радостно взвизгнула, из-за занавески мгновенно вынырнули её мамаша со своей мамашей, любопытный доberman, а вслед раздался крик отца Пафнутия:

— Дак то не рыжий бес, дубина, то оранжевый! У его цель-то иная, его от и бить не...

Поздно. Я попал, с размаху прихлопнув оборзевшего бесёнка тяжёлой книгой прямо на левом обнажённом плече перезрелой девицы Тулуповой...

Сама она от моего удара даже не пошатнулась, стоя как мраморная греческая кариатида, а вот в комнатке резко потемнело, после чего неожиданная вспышка света резанула по глазам...

— О, смотрите, ещё один.

— Нэ адын, батано, а с сабакой!

Ничего не понимаю. Кто-то заботливо похлопал меня по щекам и столь же резко убрал руки, натолкнувшись на недовольное собачье ворчание.

Я открыл глаза. Закрыл их. Протёр. Снова открыл.

Картинка не изменилась, но увиденное ни капли не обрадовало.

Белый коридор. Блёклые нейтральные обои. Лампы дневного света под потолком.

Дверь. Одна, белая, без всяких опознавательных знаков.

На узкой длинной лавочке, словно в очереди на приём к терапевту в поликлинике, сидят трое мужчин. Один бритоголовый в мятых рыцарских доспехах и плаще Тевтонского ордена, второй загорелый, с дредами, в тёмных очках, простых джинсах и рубашке гавайского образца, третий вообще почти голый, а всё тело у него раскрашено татуировками, как у древнего воина майя. Колоритные ребята, каждый как с картинки.

Последним сижу я, дурак дураком, ничего не понимаю, в руках книга, на плече сумка, а прямо передо мной виляет обрубком хвоста верный Гесс.

— Шо, братуха, первый раз здесь? — хмыкнул рыцарь, и остальные подбодрили меня снисходительными улыбками. — Та не дрейфь, где наша не пропадала!

— Э-это рай... или... мы все умерли? — спросил кто-то. Видимо, я.

Все дружно загоготали.

Ладно, допустим, я сморозил глупость. Но ржать-то чего, нельзя нормально объяснить?

Гесс нервно гавкнул на хохочущих во всю пасть, и парни мигом примолкли. Что ж, хоть кто-то здесь на моей стороне.

Меж тем из дверей неизвестного кабинета послышался металлический голос:

— Следующий.

Тевтонец встал, подмигнул мне, оправил плащ с чёрным крестом и шагнул вперёд. Дверь открылась и закрылась без звука. Что же у вас тут происходит, а?

— Бесогон? — Голый мужчина в наколках протянул мне руку. — Не бойся, бесобоем будешь, как мы! Ты, вижу, прямиком с первого задания. Завалил?

— В-возможно, — чуть сбившись, ответил я, автоматически пожимая его ладонь. — Понимаете, там должен был быть рыжий бес, а получается, оказался какой-то оранжевый.

— Вах, знаэм таких, — поддержал разговор парень в гавайке. — Матом нэ вазьмёшь, дарагой, я их крестом святой Нинон бил. И тоже папал, э-э!

— А я Святым Писанием ударил...

— Следующий.

— Пара мне, да, — привстал «гаваец» с грузинским акцентом. — Пашёл на задание, будете в Тбилиси, захадите, как братьев приму, стол накрою, шашлык, хинкали, хачапури, сациви. А вино-о, вах! Просто сказка будет, а не вино-о!

— Следующий!

Приглашаемую сторону сдуло, как муху вентилятором. Оставшийся собеседник в наколках осторожно протянул руку, намереваясь погладить моего доberman, но, встретившись с ним взглядом, передумал.

— В общем, ничего не бойся. Ты не умер, никто из нас не умер. Просто считай, что перешёл на другой уровень, попал в Систему. Твой учитель не рассказывал тебе о братстве Ордена бесобоев?

— Нет, отец Пафнутий ничего такого не...

— Ха, так старик жив ещё?! — заметно обрадовался голый. — Я знал его, видел в деле, знатный бесогонище был, пока от дел не отошёл. Вот уж не думал, что он в наставники пойдёт, дядька-то педагогическим терпением не отличался ни разу.

— Следующий.

— Всё, держись. За мной пойдёшь.

Мы с Гессом тоскливо уставились на белую дверь без всякой надписи, за которой исчез уже третий человек. Странно это всё-таки: туда заходят, оттуда не выходят. Ещё какой-то Орден бесогонов, о котором, получается, мой наставник знал. Не мог не знать, раз его там знали!

Пёс опустил голову и ткнулся носом мне в колено. До меня вдруг дошло, что я почему-то совершенно не обратил внимания на то, как он сюда попал. Если я накосячил и меня забрали в какую-то там Систему, то при чём тут ни в чём не повинный пёс отца Пафнутия?!

— Сам в ахрене, — тихо признался Гесс.

— И не говори, — вздохом ответил я, прежде чем понял, что, собственно, произошло.

Доберман разговаривает! Представьте себе на минуточку, в каком же я был раздрае чувств, если вдруг воспринял это как должное, не испугался, не впал в истерику, не полез на потолок, не кинулся переспрашивать или звать на помощь доктора. Двух, психиатра и ветеринара!

Хотя человеку, видевшему бесов, наверное, можно и не удивляться говорящему псу...

— Следующий.

Повинуясь зову металлического голоса, я быстро встал, оправил рясу, пригладил волосы и, сунув в сумку Псалтырь, решительно взялся за ручку двери. Гесс с надеждой потянулся за мной.

— Ждать. Сидеть и ждать, — приказал я.

— А вдруг мне будет скучно и одиноко? Ну пожалуйста, ну возьми меня, возьми, возьми-и...

— Заходите уже оба, — потребовал голос.

Я мысленно махнул рукой на всё, потом разберёмся, и, потянув на себя дверь, вошёл в маленький чистенький и очень уютный офис. Доберман, словно вода, просочился следом.

Итак, описываю всё детально, как нас учили в армии, и с псевдонаучными комментариями, как наставляли в университетах. Небольшой, но плотно заставленный всем необходи-

мым рабочий кабинет. Большой планшет на подставке вместо компьютера, полупрозрачный стол с выдвигаемыми ящиками и рядами аккуратно уложенных папок, ручек, карандашей, степлеров и прочей канцелярской мелочи.

Новенькая плазма во всю стену, чёрное кресло на колёсиках, кондиционер, стеклянный шкаф с книгами. Беглым взглядом видно, что на полках в основном классическая литература, ну, быть может, пять-шесть книг из серии альтернативной истории.

За столом в кресле сидит крупная рыжеволосая девушка с круглым лицом и фигурой натурщицы Ренуара. Одета в пёстрое приталенное платье в испанском стиле, балетки, глаза серо-голубые с зелёным отливом, выражение лица равнодушное. Украшений нет, кольца на безымянном тоже, только очки в тонкой серебряной оправе на носу.

В голову стукнулась шальная мысль о том, что равнодушные могло быть и напускным, некой защитной маской, но уточнить данный вопрос не представилось возможным. Гесс построил самую умильную физиономию и завилал обрубком хвоста, коротким, но твёрдым, как стальной болт.

— Ух ты! Она красотка! Смотри, точно красотка! Эй, девочка, хочешь погладить собачку? Вот он я, гладь меня, гладь! А я тебя лизь!

Ошарашенная таким напором хозяйка офиса на стуле отъехала в стену, но страстный доберман отца Пафнутия был неумолим.

— Хочешь, лапку дам? На. Вот и вторую дам. На. Хочешь нос? Вот тебе кожаный нос. Гладь меня! Не гладит. Не любишь собаченок?!

— Гесс, — сквозь зубы прорычал я, оттаскивая нахала за ошейник, — имей совесть, скотина невежливая, мы в гостях. Не волнуйтесь, он не кусается.

— Спасибо, — пискнула девушка в очках.

— Но любвеобилен, как озабоченный шимпанзе.

— У меня небогатый выбор, да? Можно его как-то успокоить...

— А почему мне нельзя её кусь? Она не любит собаченок!

Минуты полторы мне пришлось потратить на его уговоры, обещая всё на свете: любить, гулять, прыгать, чесать, гладить, кормить, давать спать в своей кровати и так далее. Собачники меня поймут. После чего пёс сел на задние лапы, замерев, как садово-парковая скульптура, и не сводил с меня самых преданных на свете глаз.

— Мм... это вы, получается, готы из Архангельской области? Ну а чего, норм, — осторожно возвращаясь к столу, начала девушка, глянула на экран. — Как бы... мы рады приветствовать вас в Системе, братство бесобоев счастливо видеть новых бойцов в своих рядах и всё прочее, бла-бла-бла. Вопросы?

— Только один. Мы умерли?

— Нет.

— Это точно?

— Да.

— Слава богу, — выдохнул пёс за нас двоих. — Если что, я атеист. Но жил у батюшки.

— И «бла-бла-бла» мне как-то явно недостаточно, — добавил я. Тоже за нас двоих.

— Хотите сказать, что вы не фанаты и мне придётся объяснять всё по порядку?

— Уж снизойдите от до нас-то, грешных...

— Узнаю архангельскую школу. — Рыжая окончательно угнездилась на своём месте, щёлкнула кнопкой пульта, и плазма за её спиной вспыхнула разноцветными картинками.

— Ещё в добиблейские времена человечество прекрасно осознавало, что на планете люди и животные не одни. Кроме них землю населяют десятки тысяч, так сказать, не определённых наукой существ. Демоны, шайтаны, духи, джинны, привидения, бесы. Общее название последних произошло от...

— Мне нравится версия о древнеегипетском боге, Бес — хранитель... — подхватил я.

— Домашнего очага, — закончила она, поправляя очки. — Версий и теорий много, но речь не об этом. Данная схема показывает нам, что борьба людей с бесами также имеет очень

давние корни. Изгнанием злых духов занимались старейшины племён, жрецы, шаманы, священники, а впоследствии целые монашеские ордены. Свои бесогоны или бесобои есть во всех странах мира, различия несущественны. Однако мы первая международная организация, которая занимается этим делом планомерно, научно и на уровне разделения пластов времени. Прошлого нет.

— Вы имеете в виду корпускулярные теории? Позвольте, разве они уже получили научное подтверждение? Речь, разумеется, не об отвлечённых лабораторных опытах, а о полноценной сфере практического применения.

— О, вижу человека с высшим образованием, но как вы тогда попали в Систему? Как правило, у нас довольно узкий контингент полевых сотрудников. Это так называемые служаки, которые не мыслят жизни своей головой, полностью подчиняясь приказу, уставу и распорядку. Либо «ковбои», обожающие бесконтрольную стрельбу в барах, погони и адресалин.

Я максимально внятно и кратко расписал своё обучение у старца Пафнутия, первый выход на самостоятельное дело и вот... такой вот странный результат.

— Ха, оранжевый бес, — впервые улыбнулась девушка. — Это же наш джокер в колоде, непредсказуемое существо, своеобразный вневременной вирус, мы запускаем его наугад в научных целях. Удивительно, что ваш наставник не счёл нужным проверить это лично, прежде чем послать стажёра.

— Отец Пафнутий лучший учитель, — мгновенно упёрся я, потому что своих мы не сдаём, и даже Гесс на минуточку молча оскалил зубы.

— Ну хорошо. А откуда взялся говорящий пёс?

Вот тут мы оба замялись с ответом.

Вроде как доберман жил в селе ещё до моего прибытия, но ни разу ни с кем не разговаривал, сколько мне известно. Собака как собака, со своими бесхвостыми тараканами в голове, но без особых перегибов. Дома вёл себя как и любой нормальный пёс, правильной дрессировкой отец Пафнутий не увлекался, да и времени на это у него не было.

Основное время Гесс оставался предоставлен сам себе, метил столбы и заборы, дрался с соседскими кобелями, обожал гонять коров, получая за это звездулей от сельских бабок, но если и огрызался на них, то исключительно по-собачьи. Где и когда он научился говорить, наверное, только одному богу известно.

— А чего мы, собственно, гадаем, — первым удивился я. — Можно же просто взять и спросить у него? Гесс, отвечай.

— Тут, — после недолгого размышления решил пёс.

— Но раньше ты не говорил?

— А смысл? — пожал плечами доберман.

Мы с девушкой переглянулись, что ж, может, и правда собаке не было смысла болтать на всё село, а то ещё сдадут в поликлинику на опыты.

— Ладно, норм, непринципиально. — Девушка сделала пометку в рабочем планшете. — Но работаете вы в паре?

— Нет, — опроверг я.

— Да, — подтвердил Гесс.

— Так, запишем: не уверены, но вместе. — Хозяйка офиса быстро открыла в планшете какой-то документ. — Что ж, могу предложить на выбор: Древний Китай или Республика Дагестан. Лично я предложила бы Китай. Эпоха Цинь, культурные люди, никакой поножовщины. Оформляю заказ?

— Тем более что в Дагестане я уже был. Минуточку! — вовремя успел вскинуться я. — Вы так и не объяснили толком, куда мы попали, что с нами будет и какого лешего вообще здесь происходит?! Простите, как вас по имени?

— Марта.

— А меня Фёдор, бывший гот, поэтому для друзей Тео. Приятно познакомиться. Так вот...

Рыжеволосая Марта, даже не подняв на нас взгляд, нажала клавишу *Enter*.

...Я на секундочку зажмурился или, правильнее, просто сморгнул, но открыл глаза уже в Древнем Китае. Мы с доберманом стояли на берегу широкой полноводной реки, нёсшей куда-то вдаль мутные от песка волны.

— Хуанхэ, — пробормотал я, вглядываясь в своё расплывчатое отражение.

Судя по всему, теперь я выглядел как тощий благообразный старец с длинной белой бородой, в простых одеждах, с посохом в руках и моей сумкой на плече. Я бегло ошупал её, тяжёлая книга на месте. Гесс тоже наклонился посмотреть и невольно отпрыгнул — из воды на него смотрел худющий измождённый пёс в клочьях осыпающейся шерсти.

— Это не я! — Морду добермана перекосило душевной болью от унижения.

— Мне тоже досталось, но я же не скулю.

— А я скулю! И буду скулить, потому что мне горько и обидно! Я его кусь!

Мне удалось поймать ретивого героя за ошейник, прежде чем тот кинулся лапами разбивать своё отражение в реке. После чего я присел на корточки, поймал его за шею и, глядя глаза в глаза, попытался поговорить откровенно:

— Значит, так, слушай меня, псина ты скоропалительная. В конце концов, если мы видим друг друга такими, как есть, — это уже плюс! Ты же меня узнал.

— Узнал. Ты молодой хозяин, друг. Погладь меня! Я тебя лизь!

— Погоди, сначала разберёмся. — Я с трудом увернулся от его горячего языка. — Я не знаю, как и почему ты стал такой разговорчивый. Отцу Пафнутию, возможно, это бы и не понравилось. Но суть не в этом.

— А в чём суть? — заинтересованно распахнул глаза доберман.

— В том, что нас с тобой явно кто-то подставил, и по канонам художественной (ни разу не научной!) фантастики выбраться мы оба можем лишь после выполнения определённых условий.

— Понял. Легко. Скажи, что делать. Кого укусить, что принести, кому дать лапу?

— Гесс, — я в полной прострации прижался к говорящей собаке ближе, лоб в лоб, — если бы я только знал. Но та де-вушка, Марта...

— Красивая! На тебе кожаный нос! Гладь меня, гладь...

— Прекрати. В общем, она приняла меня за бесогона, значит, в этом мире мы должны делать то, что от нас ждут.

— Бить бесов?

— Да.

— Хочу! Я с тобой! Всех побью! Я готов! Где бес? Покажите беса!

— Сядь.

— Сижу, — тут же опомнился он. — А зачем сидеть?

— Не знаю, — вздохнул я. — Просто так, для порядка. Но не думаю, что мы найдём бесов здесь у реки, наверное, нам надо идти к людям.

— Пошли, — тут же вскочил он, виляя хвостом.

— Куда?

— К людям. В деревню. В село. Я чую запах дыма, запах еды, запах людей вон там, пойдём — покажу, не бойся, нам пора, за мной, идём, идём, идём!

Я лишь покачал головой.

Если кто пробовал унять скачущего вокруг вас добермана, тот знает, что это абсолютно бесполезно. Скорее вам удастся уговорить горного козла не прыгать по отвесным скалам, чем убедить эту псину вести себя прилично. Когда говорят, что в одном месте у него шило, то явно не подразумевают, что у добермана не только шило, но ещё и вагонные пружины во всех местах.

Он способен прыгать на два метра выше своей головы, в любой самой непредсказуемой позе, лишь бы поймать внезапно пролетевшую над ухом муху. А можно скакать и вообще без всякой мухи — разве для прыжка должна быть хоть какая-то причина? С точки зрения добермана любые причины надуманны. Прыгай, и всё!

Наверное, со стороны мы составляли несколько противоречивую пару: одинокий согбенный старик, бодрой походкой движущийся за резво ловящим бабочек, едва дышащим дряхлым псом. С другой стороны, мы же в Китае, нас сюда обещали отправить, значит, пусть все думают, что мы жутко великие мастера кунг-фу, практикующие энергию «ци».

В этом смысле очень полезно быть начитанным философом. Ну то есть начитанным человеком всегда быть хорошо, знания лишними не бывают, просто философы в Китае всегда были на особом счету. Их ценили, их уважали, им поклонялись все — от простого народа до высших чиновников или полководцев. Да что там, сам император благоговел перед речами стариков...

Так что тут мы справимся. Помнится из общего курса, достаточно лишь выразаться нелепыми высокопарными фразами, неся любую чушь, но с умным видом, и сойдёшь за мудреца.

Мы поднялись извилистой тропинкой вверх по склону, практически сразу выйдя на довольно широкую просёлочную дорогу. Впереди, в паре километров, виднелись какие-то строения, а за ближайшим поворотом трое подозрительных оборванцев грабили прилично одетого юношу.

Классическая ситуация для начала рассказов Пу Сунлина. Я даже на минуту подумал, не в его ли книгу нас конкретно отправили, но Гесс просто не мог стоять на месте, когда тут столько интересного.

— Я их покусая, да? Или сначала мы поиграем в догонялки? Или они будут палку бросать, а я приносить? Или дать им погладить мой зад?

— Слушай, успокойся уже, — вежливо попросил я. — И вообще давай договоримся: я не удивляюсь, что ты говорящий пёс с интеллектом второгодника из четвертого «Б», а ты не требуешь от каждого встречного-поперечного тебя гладить, идёт?

— Кто идёт? Куда? — Доберман завертел головой.

— Соглашение по умолчанию, — вздохнул я. — Но, видимо, одностороннее, ты ведь всё равно ничего не понял.

— Я всё понял. Я умный пёс. Я хороший, погладь собаченьку!

— Пошли уже...

Мы быстрым шагом приблизились к разбойникам и их жертве. Последний, кстати, вёл себя крайне достойно, не кричал, не вырывался и не ругался всяческими словами.

Просто стоял, скрестив руки на груди, с отрешённым выражением лица, пока его раздевали.

— Доброго вам дня, люди, и да не зайдёт солнце над вечно жёлтой шкурой змеи Хуанхэ, — как мне казалось, очень высокомерно проговорил я.

— Пошёл на... [запикано], старый дурак, — ответили мне.

Честно говоря, я слегка затупил. Получается, по факту книжные описания нравов древних китайцев эпохи Цинь здорово отличались от реальности. Хм...

— Благородные господа, возможно, не слышали обо мне? Я великий и могучий даос с Северных гор, моё имя... э-э... допустим, Фе Ди...

И тут мне кто-то врезал бамбуковой палкой по затылку, прежде чем я довёл свою высокопарную тираду до конца. Да, поверьте, от удара сзади по башке не защищает никакая армейская школа и никакие даосские знания. Я беззвучно рухнул на колени и уткнулся носом в пыль. Вот вам и хвалёное китайское уважение к учёным пенсионерам...

Сознание вернулось от того, что чьи-то заботливые руки перевернули меня на спину, а в мой рот влили какую-то горючую жидкость с запахом абрикоса. Ну и жаркий собачий язык в ухе тоже способствовал резкому оживлению.

— Учитель, вы в порядке?

— Кажется, да, сын мой, — на католический манер откликнулся я, пытаюсь сесть на землю.

Верный Гесс тут же вылизал мне всё лицо, уже одетый юноша склонился в низком поклоне. А трое разбойников со стонами и проклятиями пытались уползти в кусты.

— Я сразу понял, что вы, почтеннейший, великий даосский наставник, а ваш блохастый (доберман возмущённо округлил глаза) пёс на самом деле служащий вам бес! Он разметал всю шайку за одну минуту. Ему не были страшны ножи и палки, на такую храбрость не способна ни одна собака в Поднебесной!

«Погладь мой зад», — чуть было не сорвалось с языка Гесса, но каким-то чудом он сдержался и позволил себе лишь

одобрительный «гавк». Скотина эдакая, я уже почти тебя люблю.

— Учитель, вы шли в деревню?

— Да. — Осторожно касаясь затылка, мне удалось нащупать изрядную шишку.

— Позволено ли будет бедному студенту, не сдавшему сочинение на чиновничью должность, сопровождать вас?

— Валяй, — брякнул я, но быстро опомнился. — Мне говорили, что в этой деревне лютуют бесы. Хотелось бы с ними сразиться.

— О да! — Молодой человек помог мне встать на ноги. — Моё имя Ляо Джань, я пробую писать, но учителя говорят, что мой стиль слишком простонароден, а язык не достоин великих произведений классической китайской литературы.

— «Только-о рюмка водки на столе», — ответил я первым, что вдруг стукнулось в голову.

— О да! — обрадовался мой юный спутник. — Как вы правы! Вино и водка из риса — вот единственные ценители моего скромного таланта. Могу же я отныне называть вас своим наставником?

— Ну, по гамбургскому счёту — запросто. Как тебя там, Джеронимо?

— Ляо Джань. Но вы можете называть меня как угодно. Пустой кувшин, дырявая корзина, разваливающаяся бочка, протекающая чаша...

— Что, всё так совсем уж плохо? — не поверил я.

Он только кивнул, опустив глаза.

Верный Гесс потопал рядом, стараясь держаться так, чтобы невзначай подставить загривок под мою ладонь, типа иди и чеши. Но, учитывая, как быстро и строго пёс разобрался с китайскими разбойниками, он, конечно, заслужил благодарность. Тем более что изо всех сил изображал бессловесное животное. Так что ладно, иду и чешу...

Примерно через полчаса мы дошли до небольшой, но вполне себе ухоженной деревушки Улян. Местечко, надо признать, крайне живописное, такие часто рисуют тушью на больших полотнах в японских якиториях Москвы. Знаете, та-

кие чёрно-бело-красные горы, сосны, бурные реки, птицы и кучерявые облака.

На минуточку я вдруг почувствовал странное бурчание в желудке. Хотя чего странного-то, вспомнить бы, когда мы ели в последний раз? Получается, очень давно и не в этом мире. Беда...

Ляо Джань горделиво шёл на шаг впереди нас, размахивая руками и шумно крича на всю (единственную) улицу деревеньки:

— Великий северный даос осчастливил нас визитом! Его личный бес разогнал разбойников банды Сая, он знает тайны будущего, в его руках само время, он творит чудеса, перед которыми отступают даже лисы!

Нам кланялись, нам улыбались, нам махали руками, но, честно говоря, я всё больше и больше хотел есть. Когда на окраине деревни Ляо привёл нас в свой сиротский дом, то единственно съедобным там оказалась рисовая бумага, а пить можно было дождевую воду или тушь.

Мы с доберманом кое-как расселись на потёртых циновках, а господин студент решил, что сейчас самое время нагрузить нас дотошным разбором своих сочинений. Мне приходилось лишь кивать и многозначительно цокать языком.

— А что, если вместо слов «великий Китай» написать «великая китайская земля»? Это лучше? А если в отрывке слово «мать» заменить на «отец», так будет проникновеннее? А как вы думаете, если я напишу «усердие даётся лучшим», мне удастся сдать экзамен в столице?

Мой бедный пёс изо всех сил боролся со сном, но всё равно клевал носом. Я также едва не рухнул на бок, когда вдруг в дверь хижины нудного студента постучали. Вежливо, без нахрапа, но требовательно.

К нам вошёл почтенный старик, в домотканых одеждах, лысый, как арбуз, с такими же зеленоватыми полосками на жёлтом черепе. Как шепнул студент, это был сам староста деревни.

— Великий учитель Фе Ди, — с поклоном начал он, — мне сказали, что вы прибыли к нам, дабы избавить деревню от бесов.